

Елена Кулинская

МЕРИНГОВСКИЙ САД

Стихи

Иерусалим
2003

Елена Кулинская. МЕРИНГОВСКИЙ САД. *Стихи*

Художник *Даниэль Менделевич*

© *Все права принадлежат автору*

Printed in Israel
2003

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К И Е В

МЕРИНГОВСКИЙ САД*

За окнами кафе то снегопад,
То сыплет дождик мелкого помола...
Здесь был когда-то Меринговский сад,
Потом шумел кафе-шантан «Аполло»...

По вёснам здесь шиповник алый цвёл,
Благоухали тёмных лип аллеи,
Струился пряный запах маттиол
И персики росли в оранжерее.

Просторный дом с террасами белел
В глубокой чаще зелени и света,
Петух по зорькам, как в деревне, пел,
Фонтан чинили в ожиданье лета.

На окна сетки ставили от пчёл,
Гостили белки прямо в спальнях детских,
Усатый Меринг на работу шёл
В одну из клиник университетских.

А вечером в усадьбе пили чай,
И говорили о войне Кавказской,
Но о другом шептал садовый рай,
И, доверяясь этой мирной сказке,

Играли Дебюсси, играли в вист,
Соревновались в знании пословиц.
От Ганских лился соловьиный свист,
Рождающийся в зарослях шелковиц.

Просвет небесный становился сер,
Но бесконечно шли дорожкой длинной
Красавица и толстый кавалер –
Стареющий Бальзак** и Эвелина.

Его живых рассказов череда
Влекла их под нависшими ветвями
Вперёд-назад – к пруду и от пруда
С притихшими в осоке лебедями.

Сквозняк гулял по лавочкам сырым,
Скользил сапог по ягодам опавшим.
Спал беспробудно Северный наш Рим,
В садовом море мягко утопавший.

Скрипел во сне тысячетлетний дуб,
Слегка качая гнёзда-колыбели.
И всё пропало, всё пошло под сруб –
Как не было, и ахнуть не успели.

И началась вся эта кутерьма:
Раздел участков, рубка, спешка, стройка,
Кафе-шантан, доходные дома
И Соловцов театр как неустойка,

Как мизерная плата временам,
В которых жизнь игралась не на сцене, –
Шелковицам, засыпанным прудам –
Всему, что мы, лишь потеряв, оценим...

Но жизнь есть жизнь. На прежние круги
Вернётся, обеднённая, задышит.
И молодой Ахматовой шаги
Отстроенная улица услышит.

И будет день, и будут вечера,
Гулянья, клуб откроют элитарный,
В гостинице заблещут номера
И цирк на Николаевской шикарной –

Как Оперный – большой нарядный зал,
Акустика, убранство в венском стиле,

Гастроли знаменитых. Голоса
Шаляпина, Руффо и Баттистини

Звучали необычной, ярче – в них
Был слышен голос Мерингова сада,
Невесть откуда взявшийся. Он стих,
Когда сюда пришла агитбригада...

Что в прошлом? В агитпоезде одном
Культура наступающего века
Теперь вместились вся: вагон-кино,
Вагон-театр, вагон-библиотека.

Прислушайся, мой сад, ко временам,
Которые грядут, стучат, дымятся.
Там знания, отмеренные нам,
До этих трёх вагонов сократятся.

Земля всплывёт от пролитых кровей,
На пепел сменит пышное убранство,
И скоро вступит, что всего страшней,
В страданье безвоздушного пространства.

Не знали мы тогда, что за разбой
Господь непосещением накажет
Наш край. И вместо ауры живой
Над нами грозный вакуум заляжет.

Мы просто ничего не будем знать
О тех, кто жил когда-то рядом с нами.
В беспамятстве придется нам гулять
По улицам с чужими именами.

Но жизнь спустя вернётся благодать,
Воскреснут судьбы, просияют лица.
Жемчужины начнём мы собирать
По запылённым кратеньким страницам.

Тогда из драгоценных фактов, дат,
 Фамилий мы родимся вновь, и даже
 Душа увидит Меринговский сад
 На том же месте, где он был посажен.

2000

* Меринговский сад – историческое название местности, где была расположена усадьба профессора медицины Киевского университета Ф. Ф. Меринга (1822–87 гг.). (Умер в Киеве, был похоронен на Аскольдовой могиле). Меринговский сад представлял собой парк с аллеями, оранжереями и пр. В конце 80-х гг. был куплен строительной компанией, которая на его месте спланировала ряд улиц (нынешние Карла Маркса, Заньковецкой, площадь Ивана Франко, улица Станиславского). В 1898 г. здесь построено здание Соловцова театра на территории, которую ранее занимал пруд (ныне Украинский драматический театр) (с. 386).

** Оноре де Бальзак (1799–1850 гг.) посетил Киев в 1847-м, 1848-м, 1850 гг. Бывал в Контрактовом доме на Подоле во время Контрактowych ярмарок. В 1847 г. останавливался в доме польских помещиков Ганских на Печерске в Липках. (В 1850 г. вступил в брак с Э. Ганской.) В Киеве начал писать очерк «Письмо из Киева» (не окончен). 26.1.1850 г. сделал заметку: «Петербург – юный город, Москва – древний, но Киев – вечный город Севера, Северный Рим». Ему также принадлежат слова: «Даже если бы у меня не было друзей, живших вблизи Киева, всё равно я поехал бы в Киев в интересах литературы и этнографии» (с. 54–55) .

(Киев. Энциклопедический справочник.
 К. Главная редакция Украинской Советской
 Энциклопедии. 1986 г.)

* * *

Взять настроение, как нить...
Как самый бросовый, ненужный
Предмет и этим испугать
Всей нашей жизни ход натужный.

Живя в повинностях, в долгах,
Теряя вкус от утомленья,
От грязной кухни в двух шагах
Сорвать былинку настроенья.

Взять настроение, как центр
Родного города в пригоршню,
Прижать к душе, насквозь прогоркшей,
Его апломб, его акцент,

Им пропитаться, как бальзамом,
Чтобы никто уже не смог
Из этих сквериков и залов
Извлечь мой горловой комок,

Изъять из твоего убранства
Моих переживаний смесь,
Моё живое постоянство,
Мой дух, востребованный здесь.

1998

ЛИПКИ*

Если от угла Консерватории
Чуть подняться вверх по Карла Маркса –
Там живут любовные истории,
Их неисчерпаемая масса,

Их неразличимые обличия,
Их дыханий тремолы и такты,
Красотою места примагничены,
Собранные Липками компактно.

Город ими дезориентирован,
Ими напоён он до упада,
Просто называются квартирами
Тайники стенные и засады –

Стены, запись голоса хранящие
Всех своих жильцов – живых и мёртвых,
День и ночь безмолвно говорящие
Под узорами обоев стёртых.

В их пространствах, только внешне замкнутых,
Столько ощущений человеческих!
Киевские камни мягче бархата
И богаче мифов древнегреческих.

Потому что сердце в день сужения
Жизни всей до точки незаметной
Выбирает камень для хранения
На земле ролей своих посмертных.

Роли выбирают исполнителей,
Выходя на свет в момент капли.
Из кого, как не из местных жителей,
Подберёшь любовников в апреле?

---

* Липки - район в Киеве.

там живут любовные
истории,
из нестерпимой массы...

Берегите, Липки, этих птенчиков –
Это всё актёры и актрисы.
У кого ещё талант изменщиков
От рождения на лбу написан?

Кто ещё сумеет жизнь на фабулу
Положить, как жертву, без остатка,
И уйти за ролью, как за табором,
По печерским переулкам шатким?

И любить, как мир ещё не видывал,
Жизнь и смерть вручив чужим ресницам,
Чтобы даже воздух им завидовал,
В неизвестность выпущенным птицам.

Чтобы сохранили их традицию
Из соседней школы добровольцы,
Чудища на доме Городецкого,
Ветви над могилой Богомольца.

Чтоб земля от рынка Бессарабского
До пещер и келий в стенах Лавры
Мыслила, пульсировала сказками
С мозгом человеческим на равных.

Чтобы всех забытых пьес участники
В собственных домах навек остались,
Чтобы, как архивные запасники,
Двери у подъездов открывались,

И былая жизнь, как настоящая,
Билась в арках, башенках и нишах.
Славься сердце, в камень уходящее!
Славься камень, сердце приютивший!

1998

МОЕМУ ГОРОДУ

На Калинина – ёлка,
в Филармонии – ёлка,
и в Октябрьском – веселье и ёлка.
Кто-то выйдет последним из зала, а двор уже пуст,
И робеет ступить, поскользнувшись, по белому шёлку,
Что так туго натянут на круглый асфальтовый спуск.

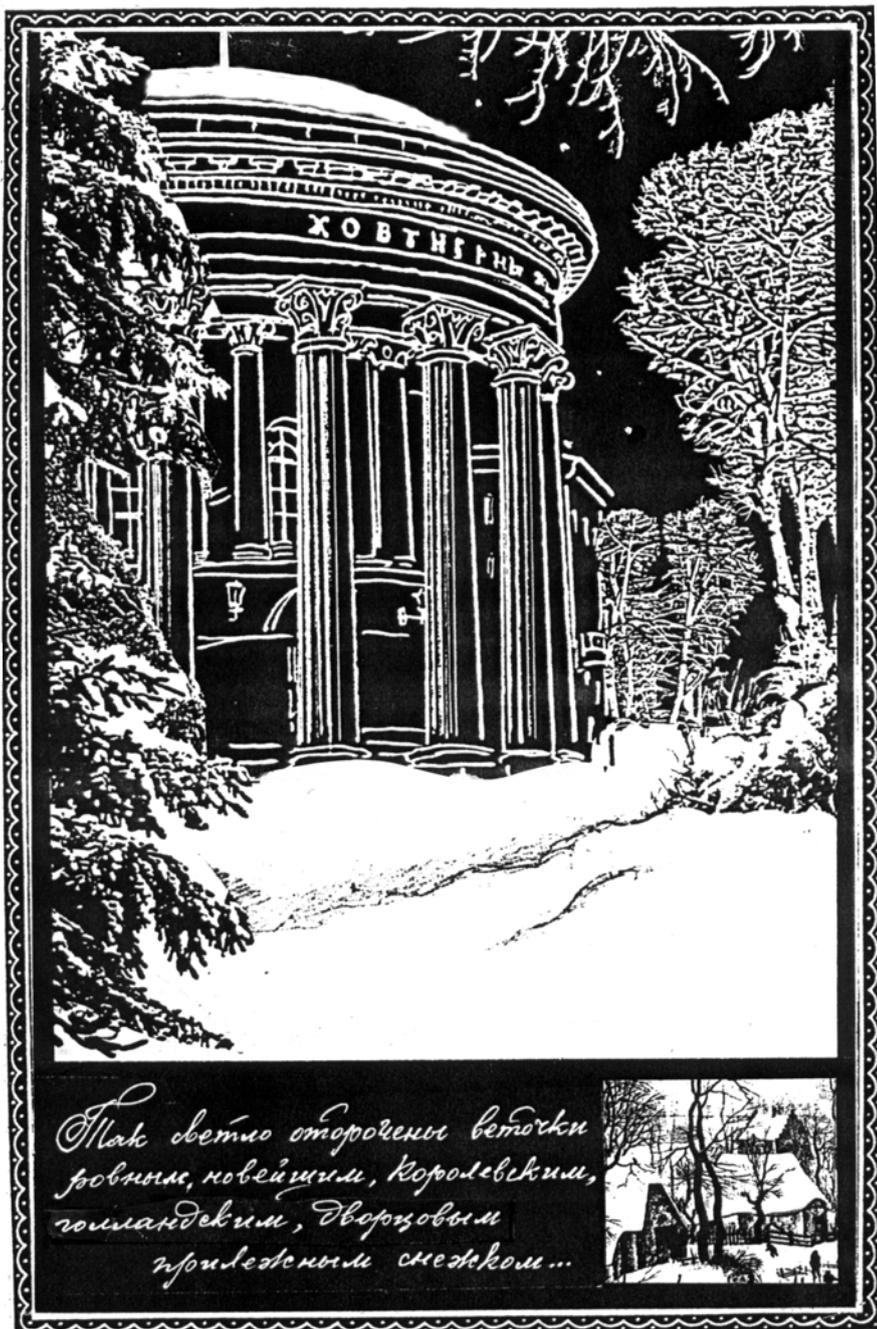
Так светло оторочены веточки ровным, новейшим
Королевским, голландским, дворцовым, прилежным снежком.
Пассажир за узорным окошком завидует пешим:
По такой красоте – только шёпотом, только пешком.

Тут сплетаются ветки таким домотканым ажуром,
И расставлены звёзды уютно, незыблемо так,
Что холодная высь веселее, чем чай с абажуром
Согревает сердца полуночных счастливых зевак.

Лишь пометив слегка тишину, но её не нарушив,
Прозвучит за углом и умолкнет опять чей-то смех.
Город мой, по мою ли приходишь ты душу,
Побелев, как белеет один лишь раскаянный грех?

Ведь по смерти, в аду, утешительней нет ничего,
Чем, блуждая во тьме, без иллюзий, без сна, без ночлега,
Вдруг припомнить тебя, дорогое моё существо,
И увидеть тебя в горностаевой мантии снега.

1998

Так встало оторожене веточки
ровним, новейшим, Королевским,
гомандевским, дворозовым
приведенным снежком...

СНЕГОПАД

Белый-белый, непоколебимый
Встал над снежным городом покой.
Бело небо, пустыри, рябины,
Улицы, домишки над рекой.

Я иду, сапог мой каши просит.
Среди царских киевских красот
Я иду. Заносит нас, заносит...
Так вдвоём пускай и занесёт,

Город мой. Сияет всё, сияет.
Ясно, будто днём, и лучше дня.
Только Киев совершенство знает,
Снисходя при этом до меня.

Как легко меня минуют люди,
Будто бы я тополь или вяз.
Как блаженно город меня любит,
Моим сердцем с ними не делюсь.

1999

УЛИЦА РОГНЕДИНСКАЯ

Киев... Ну кто его выразит? Киев – и всё.
В кофе подлитый коньяк. Или с острова Фиджи
Вдруг ароматов сюда ветерок нанесёт
Прямо в февраль неспавшийся, в снежную жижу.

Вишни в тумане не могут друг друга узнать,
И у соседей справляются: кто вы такие?
Спит под корнями у них древнерусская знать,
Слуги, холопы. И снами их полнится Киев.

Морфий, в предсердье струящийся, необорим.
В теле прозрачном ни веса, ни зрения нету.
Всё поглотили виденья. И только шестым
Чувством уловишь названье и признак предмета.

Кто это здесь собирает сердца, как улов?
Кто это выбрал туманы средой обитанья?
Может, задворками мягко крадётся любовь.
Ей и предшествует эта потеря сознания.

1997

* * *

Никаких тебе книг,
Ни печатных, ни письменных слов!..
Где-то бьётся родник,
Разовьётся и вырастет Клов...

Ничего, кроме Кловского спуска,
Не буду искать.
Межсезонья туман
Буду там благодарно вдыхать.

В никуда, как домой,
Буду там уплывать, не спешить.
Буду слабой одной
Стороной дарования жить.

2001

ПЕЧЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Опустился на Киев туманный и слякотный мир.
Дремлет тонкая веточка с капелькой в облаке белом.
Спит мой дом, моя крепость. За горкой Косой капонир
Заслоняет меня от беды своим каменным телом.

Этот полдень бесцветный, когда ничего не видать –
Даже замки, дворцы, казематы не твёрже, чем вата, –
Пробирает, как только одно межсезонье умеет пробрать –
До костей, до души твоей, прямо глядящей из мглы сероватой.

Город, словно сапог прохудившийся, полон воды,
В его облике нет ни одной различимой черты.
Всё равно я смотрю на него и души в нем не чаю.
Всё равно различаю в тумане, что ты – это ты.
Как характер молчания, близость твою ощущаю.

Всё равно, что там, в облаке, – госпиталь, крепость, тюрьма...
Нынче Богу не нужно от нас ни красоты, ни ума.
Только эта любовь, эта бедная оттепель в стужу,
Мягкий воздух, рососою наполненный, снежные лужи...

1999

* * *

...отделившись от тела, взгляд...

И. Бродский

Город, милый, чем ты нынче занят –
Модой, макияжем, красотой?
Тополя в тебе – и те с глазами,
Камни мостовой – и те с душой.

Побреду во сне, куда не знамо,
И вернусь на ту же параллель,
Где дворец и стадион «Динамо»
В рощах серебристых тополей.

На стволах неровности и метки
Отродясь имеют форму глаз.
Из древесных недр зрачки и веки
Смотрят сострадательно на нас.

Вдумчивые, тёмные, родные –
Вот сорвусь и имя назову...
Чувства, как крестьяне крепостные –
Там, где родились, всю жизнь живут.

Даже при переселенье тела
Глаз вернётся в рощу над Днепром,
В место, где для взгляда нет предела,
Горя нет, а только жизнь и дом.

1998

* * *

Ничто не случайно. И даже чужая земля,
В которой всё кажется глупостью, странной ошибкой,
Она не случайна, а сущностна, как и моя
Земля, та, что пахнет весеннею почкою липкой.

Земля, где в саду городском духовой
Оркестр, как и прежде, старинные вальсы играет.
Нет мест на скамейке. Никто не уходит домой.
В рассветном пруду под ветвями звезда догорает.

Листва в переулке Михайловском сонно шумит.
Высокие кровли склонились и слушают кротко.
Прозрачная кровь городская неслышно бежит
По улочке узенькой, словно сердечная перегородка.

Дома, словно крепости. Окна их тайну блюдут,
За створками держат глубины с богатством несметным.
В них тысячу лет собирался, как в соты, уют,
Жильцами растроченный за год любви безответной.

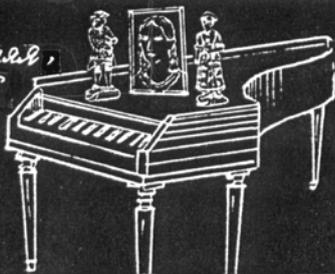
Там комната узкая, словно бойница, пленит
Спокойным лучом, пребывающим в ней постоянно.
Там мамино фото, сияя, доньне стоит
Меж двух статуэток на старом чужом фортепьяно.

И, кажется, всё ещё слышен «Экспромт» из окна...
И тянет туда. Ибо, сколько ни странствуй по свету,
Жизнь, словно наследственной грамотой, закреплена
За этим наделом земельным, за этим портретом.

Рассвет светло-серый с шестёркою розовых крыл
Грядёт. В облетевших соцветиях спит мостовая.
Над крышами города Архистратиг Михаил
Ладонь свою держит, с карнизов пушинки сдувая.

Там мамин фото, след,
Тонне стоит
меж двух статуэток
на старом, лучшем
фортепьяно...

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Ночь приходит бархатная, светлая,
Мирная, не знойная ничуть,
Краткая, почти что незаметная.
Разве я успею прикорнуть?

Как люблю я крыши треугольные!
По карнизу хочется пройтись.
Кипарисы – души богомольные
Берегут мой детский лунатизм,

Чтобы не споткнуться, не удариться,
Чтобы мне в сознание не придти.
Тихо, и слышать, как дышит Дарница,
Как с деревьев майских пух летит.

Розовые, томные акации
Гроздьями под ветром шевелят.
Широка ночная Красноткацкая,
Словно Елисейские поля.

Всё роскошно и безукоризненно,
Всё в едином стиле, без помех.
Дом за домом я миную мысленно
И слежу, как тополиный мех

Дружно на дорожки осыпается,
К водосточным трубам пристаёт,
На асфальте под бордюром сбивается,
Как живой, вздыхает и плывёт.

Я в одном из этих парашютиков,
И меня, как пух, несёт весна.
Я лечу домой. Мой дом, прошу тебя,
Чтоб никто об этом не узнал.

Поздний пешеход мне повстречается,
Издали вниманье привлечёт,
В глубине аллеи закачается,
Словно сигаретный маячок.

Перед этим крохотным свечением,
Проходящим через царство сна,
Превратится в теплое течение
Воздуха недвижимого стена.

Родина живая, недоступная
На минутку мне вернёт уют,
И невесть откуда капли крупные
Вездесущий пух к земле прибьют.

И сорвётся с места, и закружится
Всё, в чём обитает Божий дух,
Будто в атмосфере обнаружится
Мысль моя, прочитанная вслух.

Ураган трепать кустарник кинется,
Форточку со звоном расколов.
Пыль из палисадника поднимется
С прутиками, с хлопьями цветов.

Вьются вертолётники кленовые,
Дрогнул склад небес пороховой,
Дождь идёт. Всё новые и новые
Слёзы накапливают у него.

1997

КИЕВ

Ты – больше, чем я.
Ты больше, чем я и мама.
Глубже, чем Лавра Печерская,
Больше, чем мать городов.
Ты – жуткая глубь,
Нижний слой на стоянке Кирилловской,
Мамонт, чьи бивни под улицей Фрунзе
Лежат двадцать тысяч годов.

1999

КИЕВ

Воздух, словно свинцом налитой,
Настоявшийся, сизый, лиловый.
Запах предгрозовой, травяной
Отнимает у выдоха слово.

Под горой ребятишки шалят –
То могилу разроют, то клад.
Широта, крутизна, глубина...
Триста лет до татарского ига.
«Что за древняя сторона!..» –
Рассуждает Игорь.

2001

БЛАГОДАРНОСТЬ

К могиле святого Антония
Не принести мне роз в руке.
Но столько им намолено,
Что края и дна не видать.
Кажется, яблоко брось –
И повиснет в воздухе –
Такая насыщенная благодать.

2001

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

Покоем дышит склон лесистый.
Сам Бог его облюбовал,
Обвёл вокруг перстом лучистым,
Кленовым золотом убрал.

Придёшь сюда – и схлынут страсти
С души, скорбящей тяжело.
Аскольд, убитый ради власти,
Спит безмятежно и светло.

Олег! Твой труд пропал напрасно.
К чему злодейство, зависть, месть?
Ведь мало кто при жизни счастлив,
Как счастлив князь, лежащий здесь.

Здесь не земля, а пух лебяжий,
Не брег днепровский – райский сад.
Здесь дни, один другого краше,
Плывут и тают в небесах.

1990

* * *

Мой край, загороди цветами небо!
Сомкни, как прежде, ветви надо мной.
Дай разбежаться, вовлеки с разбега
В аллею с бесконечною длиной.

Отправь меня гулять без караула,
Пусти меня по воздуху кружить.
Я так и не привыкла без разгула,
Без Киева на белом свете жить!

Позволь мне не забыть, как пьют свободу
Из заводей твоих, со склонов гор,
Как входят в океан, не зная броду,
Спокойней, проще, чем к себе во двор.

1999

СТАРАЯ ГРУША

Никто здесь не жил, и сияние Лавры
Мог видеть лишь аист с высокой сосны.
Её золотые, высокие главы
Сверкали на солнце над морем лесным.

Там строгие иноки Богу молились,
И жили в посте и в трудах.
Здесь – туры трубили и вепри носились,
Русалки водились в прудах.

Здесь воздух лиловый, густой и душистый,
Как патока в кадке, стоял.
Свистели малиновки в чаще росистой,
Да княжич оленей гонял.

Промчался – и выкрики сделались глуше,
И вновь: двести лет – тишина.
Меж сосен смолистых здесь дикая груша
Росла на поляне одна.

Бывало, столетье пройдёт – не состарит,
И годы, и мудрость ей впрок.
Ни буря не сломит, ни гром не ударит –
Хранил это дерево Бог.

На берегу правом – то мор, то набеги,
Как волны, на Киев идут,
То с гиканьем диким летят печенеги,
То церкви огнём полыхнут,

То князь, собираясь на братьев мятежных,
Дружину готовит к войне.
Но было дремучее левобережье
От бедствий и войн в стороне.

Пока устлали костями славяне
Тот берег гористый, святой,
В заречных чащобах пугливые лани
В листве хоронились густой.

Покуда там кровь, как водица, струилась
Под корни деревьев и трав,
Листва облетевшая в землю ложилась
В глуши приднепровских дубрав.

Тот лес, на который Андрей Первозванный
Смотрел, красотой поражён,
Остался таким же, как был, первозданным
До самых последних времён.

Он умер недавно, богатый и стойкий,
Он голову славно сложил,
До вырубки самой, до самой застройки,
До нашего дома дожил.

Но чудом, надежду вселяющим в душу,
От всех топоров спасена,
Осталась несрубленной старая груша,
На площади шумной одна.

Шиповником алым её окружили,
И в три опустевших дупла
Влетели в апреле скворцы и зажили,
И груша опять зацвела

Бесчисленным множеством белых соцветий,
Как облако, лёгким, седым.
И долгая память минувших столетий
Всё время витала над ним.

Какие в той памяти мысли скрывались?
Что было схоронено в ней?

Мы с мамой ходили и всё любовались
Задумчивой грушей своей:

Ветвями могучими, серой вороной,
Нашедшей приют меж ветвей,
Стволом неохватным, роскошною кроной
И роем пчелиным над ней.

Казалось, что груша древнее, чем Киев,
И вечно здесь будет стоять.
Но первые ветви, тревожно сухие,
Я стала на ней замечать.

Шли годы, а старая груша держалась,
По вёснам стояла в цвету.
Она, словно бабушка, всё дожидалась,
Пока я совсем подрасту,

Пока пригляжусь к её жизни полезной,
Запомню её и пойму,
Чтоб старому дереву, даже исчезнув,
Наведаться было к кому.

И груша засохла. Она позабылась
И с юностью вместе ушла.
Но вдруг через многие годы явилась
И в сердце моем зацвела,

Запахла, как прежде на зорьке погожей,
Неся с собой добрую весть
И добрую память о жизни хорошей,
Которая всё-таки есть.

2000

* * *

Зарони меня, Боже, на самое дно тишины,
Брось в колодец двора, в Марианскую впадину парка.
Нынче всё – глубоко, и присутствием Божьим полны
Подворотни, овраги, небес триумфальная арка.

Разведи меня, Боже, как краску разводит Рублёв,
Чтобы выписать дереву листья, как Троице – крылья.
К листопаду в безлюдных местах начинается клёв
Этих мыслей, для слова и ритма почти непосильных.

Разломи мое сердце, как зрелый колючий каштан.
Сквозь разлом я в лицо детворы с умилением гляну.
Я не видела месторождений щедрее, чем там,
Где сырые пригорки покрыты сердцами каштанов.

Сколько их! Хоть горстями гребь, не вставая с колен.
А они всё стучат переборами мелких копытец,
И неведомо, чьи это жизни, неведомо с кем
Говорит в опустевшей беседке октябрь-духовидец.

1997

* * *

Стайкой беглых штрихов, как Проспер Мериме, очень просто,
Отряхая листочки, насквозь и навывлет пиши.
Одинокая веточка, в небе мне выпиши остров,
Целиком состоящий из жёлтых осенних вершин.

Утопая в покое лучистом, хоть малою долькой
Перешли мне по ветру со стаей свою благодать.
В сентябре на Трухановом острове золота столько,
Что ни в сказке сказать, ни пером в небесах описать...

2001

* * *

Воскресенка. Задворки. Конец октября. Колоннада
Из кленовых стволов.
Ватикан. Я на площадь Святого Петра
Попадаю из сада
И бреду в галерее задумчиво, как богослов.

Как легко умирает природа! Рассеянно, празднично,
От пустых обещаний пускаясь в надмирный полёт.
Будто вечность наследует, не отвергая соблазна,
И в предчувствие гибели, как во взаимность, идёт.

1997

ОКТАБРЬ. ВДНХ

Красно-серый мой колорит.
Ни одна душа нам не встретится.
На небе свинцовом лист горит,
Яблоко светится.

Радость. Щека горяча. Ветер, как лёд.
Над стернёю злаковой
Небо в крыльях.
Нежен отлёт,
Мамой оплаканный.

2001

ОРИОН

Лучший из охотников, беги
По полям с серебряным отливом.
Поскорее! Чтоб твоей ноги
Не было над Южным Тель-Авивом.

Загляни в окошечко моё,
Снежное с берёзовою веткой.
Глянь, как мама вешает бельё,
Стоя на кухонной табуретке.

Иногда вздыхает тяжело,
На рубашках расправляя сборки.
Тени от берёзовых стволов
Растянулись по всему пригорку.

Школа и каток наш под окном,
Детский садик к дому примыкает –
Всё мое богатство на одном
Пятачке заснеженном сверкает.

Звёзды с неба на моём окне.
Мамин голос, шум воды из ванной.
Что же это движется во мне
Сильно так, аморфно, безымянно?

С алгеброй всё время нелады...
Но сияет голубым гореньем
Пояс Ориона – три звезды
Над одним моим стихотвореньем.

2001

СТРАСТНÁЯ

Темно. Луна огромна и красна,
И так близка, что страхом пробирает.
Притих Печерск. В его садах весна
Тревожно и беспомощно вздыхает.

Молчит в крутой горе Аскольдов склеп.
Уснул Подол. Дворы черны, как сажа.
Два Ангела бредут – Борис и Глеб –
Идёт ночная киевская стража.

Глеб отстаёт: «Зело велик наш град!
Идём-идём, а нет конца и края.
Когда сменяют нас? Соснуть бы, брат!»
«Неплохо бы!» – в ответ Борис вздыхает.

Идут. Борис тихонечко поёт
Псалом Давида. Младший брат тоскует –
Он то рукой по камню проведёт,
То веточку на вишне поцелует.

«Смотри, что случилось с городом, Борис!
А ведь недавно всем хватало хлеба!..
И мне сегодня голодно!» – «Молись!
Господь прокормит город ради Глеба».

«Молиться трудно. Мыслей не собрать.
Всё скачет, словно белая лошадка!»
«А всё равно весна и благодать...
Держись, дружок, и мне сейчас не сладко».

Идут. В одном окошке слабый свет.
И шепчет Глеб: «Царице преблагая!..
А дальше темень плотная, как бред,
И ни одна лампадка не мигает.

Глеб говорит: «Как много фонарей
Здесь раньше было. Что ж теперь безвидно?
Мне здесь не по себе. Пойдём скорей.
Я вижу и тебе до слёз обидно».

Идут. Совсем устали. Чуть не спят.
Бредут от дома к дому, как умеют.
Их чьи-то тени чёрные теснят
Со всех сторон, а подойти не смеют.

«Мой брат, там что-то... Не возьму я в толк...
Маячит кто-то страшный за оградой!
Борис! А может это... Святополк?»
«Господь давно простил его. Не надо!..

Молись, дитя!» – «Помилуй, Боже, нас!
А долго ли молиться?» – «Сколько сможешь.
Смотри, вон дом. Я кое-что припас.
Пойди, им на окошечко положишь».

Глеб принимает, прячет и несёт –
И руку греет, и светло, и веско –
И, как монетку, звездочку кладёт
В открытое окно, под занавеску.

Вдруг видит: в подворотне кто-то спит.
Земля ночная источает влагу,
А сверху ветка тополя кропит
Холодного несчастного бродягу.

Заплакал Глеб: «Борис, благослови!
Я подойду и гляну, что с ним случилось.
Не дышит... Боже! От Твоей любви
Так много граду Киеву досталось!

И всё-таки, Страстная так темна!
Ни шагу здесь не ступишь без опаски.

Когда же Пасха? Будет ли она?
А, может быть, не будет?» – «Будет Пасха!»

«Да, я согласен, будет. Только где?
А для того, который в подворотне?»
«Он ближе нас ко Господу. Везде
Засветит Воскресение Господне!»

«Скорей бы сняли с сердца этот гнёт!
Нас при крещенье окунали в воду?
...Борис! Борис! Вон батюшка идёт!
О, Господи! И сколько с ним народу!»

«Христос воскрес!»
«В колокола ли бьют?»
«Что плачешь, Глебе мой, моя ты младость?
В Успенском Херувимскую поют.
Нам надо быть у Алтаря!»
«О радость!»

Апрель 2001

* * *

Столько глины в душе накопилось за годы разлуки –
Хоть иди по обломкам, в ладонь собирай и скрепляй.
Хоть впрягайся в ярмо – в одиночку тащить из разрухи
Всю махину твою, мой тяжелый, расслабленный край.

Расстояние меж нами рождает поток магнетизма –
Тот, который невидим, неслышим и неоспорим.
Ты ещё соберёшься в одно, ты воскреснешь для жизни,
Ведь обломки твои намагничены сердцем моим.

1998

МОЕМУ ГОРОДУ

Я тебя вижу только во сне
Уже многие лета.
Но ты всюду приходишь ко мне,
Как гора к Магомету.

Всё. Теперь уж где я, там и ты.
Я тебе бесконечно
Благодарна. Печерска черты
Проступают беспечно –

Как летящей бумаги клочки,
Знойных рынков богатства,
Как на арках высоких значки
Святогробского братства –

Так печерских шелковиц разлёт
Здесь присутствует зримо,
Моей родины воздух встаёт
Неотъемлемо, неотвратимо.

Её ласточки мимо скользят,
Её шторы из кружев.
Куполов её легкий охват
В этом воздухе кружит,

Заключая в просторный объём
Всё, что к центру стремилось
И внезапно на месте своём
В изумленье раскрылось.

2001

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

ИЗРАИЛЬ

1

Как можно было сотворить
такую маленькую землю?
Как можно было сотворить
такую щедрую землю?
Это как будто человеку вместо дома
предложили только дверь.
Но дверь в Царство Небесное.

2

Важнее, чем город,
прекрасней, чем сад
(всё это насадит Господь и надстроит) –
пустыня, где нету дороги назад
и каждый шаг
жизни прожитой стоит.

3

Тюрьма городская,
случайные горные выси
и полные мусора скверы
с блестящей листвой –
нет-нет, вы не сущности,
вы только признаки мысли,
несущей меня по стремнинам
Души мировой.

4

Эстетики здесь нет и нету лоска,
И о комфорте лучше умолчи.
Но только у людей сердца из воска,
Из воска оплывающей свечи.

2001

КИПАРИС

Я так к тебе привыкла, кипарис!
Я к небу приросла за годы безземелья.
Ты для меня, как пригород, как лес,
Ты вместо родины, ты мне взамен веселья.

Балкон мой – на ветвях твоих гнездо,
Потоки ветра в небе – это реки.
И запахом немислимых садов
Заполнены в гнезде моём сусеки.

И из гнезда смотрю на небо я.
Там облачко свивается и тает.
Одна, как перст, верхушечка твоя
Одним кивком округу нам меняет:

И там, внизу не город-ад кипит,
А только раздаётся шелест нежный –
Вокруг камыш, ручьи, Осокорки
И листья ивы в заводях прибрежных.

2001

ДРОЗД

Дрозд поёт-разливается из придорожного кустика –
Что за залы в душе открываются, что за акустика!

Город белый затих, кипарисовый лес не колыхается,
Только весь горизонт до последней верхушечки – слышится.

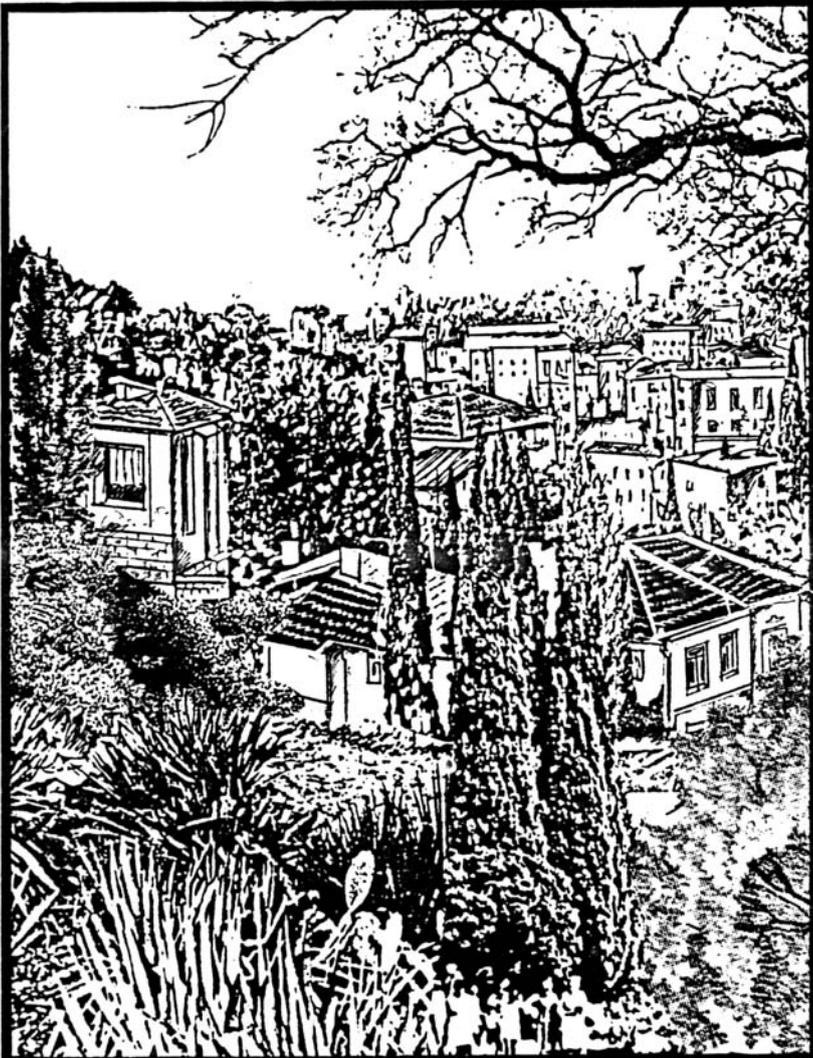
Светло-серое небо и майская зорька прохладная.
Оказалось, что жизнь – штука лёгкая, певчая, складная,

Когда дрозд желторотый ей вымолвил слово похвальное,
Беглой трелью вокруг наведя чистоту идеальную.

В звуке птичьего сердца, свободном, счастливом, уверенном,
Город кажется хутором, в синих просторах затерянным.

Глянь с пригорка вокруг: окна чутких домов – всё детальнее.
Ощутимее лба под рукой небо светлое, дальнее.

1999

Дрозд поёт - радливается
из придорожного кустика -
что за дала в душе открываются,
что за акустика!

* * *

Жаркая осень так быстро сменилась
Жаркой весной,
Еле впустив мимолётную милость –
Дождь проливной.

Ласточка мимо окна проносилась.
Я ей не рада – грех.
Дочку спрошу: «Угадай, что мне снилось?»
Дочка смеётся: «Снег!»

2002

АВГУСТ В ИЗРАИЛЕ

Август подобен импрессионисту,
Который возненавидел краски и кисть,
Но разлиновывает тетрадь
И, поглядывая на часы,
Засекает время:
За сколько времени
Он разлинует десять страниц?

Август подобен гуляке,
Который остался дома
И думает, что приготовить –
Овсяный суп или манную кашу?
Готовит и то, и другое.
Потом отодвигает
И говорит: «Не хочу!»

Август подобен влюблённому,
Который спешит на свиданье,
Но вдруг останавливается на полдороге,
Произносит: «Не интересно!»,
Бросает букет в мусорку
И поворачивает домой.

2001

* * *

Наконец-то мрачнеет. И ветер слышнее поёт.
Это с северо-запада, с родины холод идёт
И стоит на пороге и к сердцу меня прижимает.
Наконец-то мрачнеет, так славно, как будто светает.

Наконец-то сумятица, оторопь. Формы и плоть
Отступают пред осенью, что ни скажи, отступают...
Сырость, вольница... Глины намесит Господь,
Разбрасает, разляпает всё, как Творцу подобает.

Размягчит мое сердце, роняя росинки с небес,
Чтобы мысль родилась без единого пятнышка страха.
И всю ночь будет дождь – животворный елей на замес
Человека из камня, из самого жесткого праха.

1997

ИКЕБАНА

Букет составить можно из всего,
что под рукой.

И это может каждый
желающий. Необходим покой
и пустота, и теснота, и жажда...

Из городской крошечной пустоты
С сиреной «скорой помощи» тревожной
Растут прямоугольные цветы.
Их вид ужасен. Но собрать их можно.

Не бойся, не гнушайся – собери
В букетик всё, что так с ума и сводит.
Пусть твоих цветочков будет три –
Шоссе, стена и то, что к ним подходит.

Подходит к ним кухонное окно
С горой посуды грязной и огрызков.
И я. И то, что мне разрешено
Моею палестинскою пропиской:

Скандалы в доме. Дети взаперти.
На кухне плесень, в спальне паутина.
И всё. И больше некуда идти,
Ведь все пути приводят в Палестину.

А в этой Палестине жизнь, как бред.
Здесь даже бедность – не удел, а призрак.
Здесь ничего физического нет –
Ни вечной стирки, ни детей капризных,

Ни слабых рук моих, ни тяжких ног,
Ни диких криков, ни забитой ванны –
Лишь загнанный в меня скорбящий Бог,
Из ничего творящий икебану.

* * *

Сколько тюрем на свете!
Мир Божий, ты прямоуголен!
Сколько клеток!
В одну из них, сердце, изволь поместись!
Только глядя на небо и скажется:
«Полюшко-поле!...»
Только глядя туда, и захочется встать и пройтись.

Там, над облачной степью,
Плывущей на нас из-за моря,
Реют смелые росчерки,
Будто от ангельских крыл.
Там расстелены руна,
Там светятся заводи, взгорья...
Это класс рисовальный
Нам кто-то на небе открыл.

Это класс философский,
Очерченный жёстким квадратом
Чёрных крыш,
Катапульты толкающих душу вовне.
Это лёгкий мой класс –
Перед тихим весенним закатом
Две случайных минутки
В раскрытом кухонном окне.

2002

* * *

Посреди нелюбви изошрённой, учёной, отборной
Протекает короткая жизнь и ученье моё.
Задаваясь придать моим слабостям твёрдые формы,
Камнем кормит она, камнем стелит и камнем же бьёт.

Не могу бунтовать, а стерпеть нелюбовь не умею –
Эту цепь наказаний, влекущую в небытиё.
Видишь, Господи, видишь ли, я каменею
Под нахрапистой, душной, начальственной волей её.

Ни души, ни ручья, только мозг, словно шар раскалённый
И в расщелинах каменных тихие змеи и яд.
Ты меня в это место поставил, и я иступлённо
И без веры порой, всё равно призываю Тебя.

Ты ослабь эту силу нажима и силу протеста,
Дай мне ясно понять, что ничто меня здесь не спасёт.
Разреши мне упасть, сделай слабой, безвольной, как тесто,
И когда уже виден конец, и когда уже всё...

Когда смерть оглушит, заглушит, перебьёт, превозможет,
Как спасатель отчаянный, Ты подберись изнутри:
Сотвори во мне сердце еврейское, Господи Боже,
К удивленью способное сердце во мне сотвори!

2000

* * *

Страшно жить на земле. Больно жить в своем собственном теле.
А ещё нестерпимей в своей оставаться душе.
На меня мою душу, как платье чужое, надели.
Так сиротский приют одевает своих малышей.

Трёт и колет по швам, вводит в краску меня, досаждают.
И куда ни ступи я, и что ни начни, ни скажи,
Мне душа моя бедная всюду саднит и мешает.
Но терплю это колкое рубище бедной души.

2001

* * *

Терпи. Видать, ещё не все полы
Помыли люди слёз твоих потоком.
Ты – тряпочка. Все грязные углы
Пройди, истлей в чужой руке жестокой.

1999

* * *

Я утром не встаю – я волком вою,
Я не живу на свете – не хочу.
Я сотни лет подряд посуду мою
И занимаю очередь к врачу.

1997

* * *

Рано утром вставая,
я молю о покое,
а потом попираю
то, что дарит мне Бог.
Рано утром вставая,
поднимаю такое,
как Юпитер, большое
нежелание жить.

1998

СЕЯТЕЛЬ

Иду и сею со слезами.
Ращу, забочусь со слезами.
Уничтожаю со слезами.
И собираю со слезами.

1991

* * *

Ад – это место, где никто не смеет
Забиться. В преисподней смерти нет.
Там длится день, последний день Помпеи,
Он длится год, три года, тридцать лет.

1996

* * *

Какое удивительное дело:
Потеря затмевает свет дневной.
Я потеряла больше, чем имела,
Я только тень потерянного мной.

Меня моя потеря всюду ищет,
И, видно, не находит ничего.
А пустота аукает и свищет
В глубинах тёмных сердца моего.

2000

* * *

Есть у меня двойное дно, а как же!
Но эта хитрость – не на случай кражи.
Мой скромный клад никто не украдёт –
Там спрятан лёд! Холодный смех и лёд,

И опыт всех предательств и измен,
И знание того, что завтра будет,
Предчувствие беды и взгляд-рентген,
Неведомый благополучным людям.

2000

* * *

Мне крутой попался бережок
И сыпучий. Я иду по краю.
Мучит страх, дыханья не хватает
Даже на коротенький шажок.

Ангел терпеливо помогает,
Хочет мне в страданье угодить.
Он ведёт, а я его ругаю –
Не люблю над пропастью ходить.

1996

* * *

Никакого самообольщения.
Чистота раны, заливаемой перекисью.
Каждая новая страница чтения
Открывается грехов моих переписью.

* * *

Любовь пребывает там,
где пребывает Господь.
А Господь пребывает там,
где пребывает порядочность.

* * *

Если я скажу хоть одно слово
в свою защиту,
то смогу отстоять лишь малость,
потеряв при этом
бесчисленные блага.

* * *

Тело души – это нервы.
Душа души – это совесть.
Исцеление тела – прежде исцеления души.

2001

* * *

Ну что я за сито!
Несчастное, частое сито,
Которое мусор и камни
Старательно так сохраняет.
А тонкое счастье,
Сыпучее доброе счастье
Сквозь клетки пустые мои,
Как сквозь дыры, проходит.
Бесследно проходит,
Не радуя, не насыщая.

1999

* * *

Не соревнуйся со злыми, святым не завидуй.
Яркой любви не завидуй. Спокойно храни
Горькую ягоду сердца, выдавшего виды,
Душу – болото и чувства – коряги и пни,

Тихий свой омут, где тонет желание выжить,
Где, как ни мнётся, а нечего Богу сказать.
Слово возьмёт то, что есть, и не лучше, не выше,
Чтоб на пустом и пропащем Себя прописать.

1999

* * *

Разве лик твой, Боже, неизменен?
Он разнообразен, как весна,
Как толпа гуляющих по Вене...
Склонный к перемене настроений,
Обитает его лёгкий гений
Там, где обитает новизна –

В облачка оттенке невесомом,
В слабости сердечной. Почему,
Дух Господень, Ты живёшь в особом,
Общее минуя, как чуму?

Мелкие приметы, вы как ранки.
Всё ещё сочится через вас
Родина. Скворечьи перебранки,
Лёгкий стук дождя о жёсть времянки...
Собственное сердце, но с изнанки
В этих бликах светится подчас.

1999

* * *

Я вижу только то, что далеко.
Как это называется? Не важно...
Поёт луна, как конокрад, протяжно,
И в облаке сияет молоко,

Разбавленное воздухом до сини.
Привет, душа! Сегодня в Палестине
Такие же небесные уголья,
Как в Пензенской губернии зимой.
Бредёт конёк. Седок, спусти поводья
И потихоньку вымолви: «Домой!»

Домой, в снега без признаков жилья,
Где кроме ветра нет иного звука.
Ни деревца, ни дома, ни зверья...
Ничто не вторглось во владенья духа.

Здесь нет предела. Здесь не встанет лес.
Не тронет целины голубоватой.
Равнина – восприемница небес,
И потому с неё границы сняты.

Столетия тут проходят без примет.
Лишь редко-редко воронья птица
Заглянет ясновиденью учиться
В степь, давшую молчания обет.

Я чувствую её в стране песка
Всей жизнью безалаберной, бездомной,
Всем небом, отражающим снега
Российской полосы нечернозёмной.

1997

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Рассказове кончается земля,
И шпарит поезд, на звезду нацелясь,
С последним притяженьем силой мерясь,
В крошечные небесные поля.

От областного центра ввысь – не вширь
Раскинулась немереная область,
И чёрной ночи нутряная полость
Хранит наш богоизбранный пустырь.

Осядет поезд, ткнувшись ни во что.
«Выходим, – скажет папа. Это – наша!»
Сойдём, и сердце переменит тон,
И собственная жизнь рукой помашет.

В последний раз присвистнет паровоз,
Мгновенно канув во вселенский омут.
Идём в село, но до любой из звёзд
Кассиопеи ближе, чем до дома.

В потёмках – белой тучки береста,
Ржаной разлив, луною опылённый...
Тамбовщина безвидна и пуста,
И Божий дух над ней – невоплощённый.

1997

* * *

Так далеко любимые мои!
До них мне ни доехать, ни дойти,
Ни написать письмо, ни дозвониться...
Так далеко любимые мои,
Что только шёпот может их достичь.
Мой шёпот, абсолютно одинокий,
Звук обострённой, ищущей любви.

1997

* * *

Чья-то душа слушает, замирая,
Речь сердца моего.
А её хозяин не знает об этом.
Он занят другими делами.
А его душа слушает, замирая,
Речь сердца моего.
Что я смогу дать тебе, душа родная?
Чему научу тебя, не гордясь?
Господь свёл нас для того,
Чтобы я, вздорная, рассказала тебе о смирении.
А ты, смиренная, поделилась со мною
Радостью жизни, неведомой мне.

1998

* * *

Напишу тебе, но не по адресу,
А пошлю письмо куда-нибудь в Париж,
Где забегаловка подобна часовне,
Где улица подобна реке,
Где, вдыхая и выдыхая,
Вбираешь в себя песню Жюльет Греко.
Там и свидятся наши души.

1997

* * *

Ни встреч онемевших,
Ни писем фальшивящих,
Ни телефонов звенящих...
Неба квадрат между крышами —
Это почтовый ящик
В твоё окошко под крышей
Из своего окошка под крышей
Посылаю ежевечернее:
«Ты меня слышишь?»

1999

* * *

Не думай плохо обо мне, любовь моя.
Не думай плохо обо мне, не думай правду.
Вот вечер, я по Австрии бреду,
Расправив крылья, как воздушный бредень
Для ловли сказок из чужих окошек.

1999

* * *

Я зову тебя,
как устрица на дне морском
зовёт пролетающую птицу –
неподвижно, немо,
все силы души
вкладывая в нарождающуюся жемчужину.

1997

О СТИХАХ

1.

Постоянно исчезающей рукой.
Постоянно исчезающей кистью.
На постоянно исчезающем холсте.

2.

Когда я захочу уснуть, устав от греха и борения,
Я начну смотреть, как из воздуха на свет нарождается стих.
Слово Отчее – не в стихе, а в законе стихотворения.
Припадаю к закону этому, что, как тихие воды, тих.

3.

Нету времени, нету сил, нету терпенья –
Напишу самое короткое стихотворенья.

2000

ВЕТКИ

Какая тонкость в ветках оголённых!
Какое с небом кровное родство!
Мне облетевшие родней вечнозелёных,
Когда перед весной, перед листвой
Потеря и тоска, и ожиданье
Уже донельзя в них обострены.
Нет ничего в февральском мирозданье
Сильней, чем их предчувствие весны.

Пока листочек развернётся первый,
Пока кору клеинки прослезят,
Болезненной души живые нервы
На небесах безлиственно сквозят.

2002

ЙОМ КИПУР*

Такая красота, она ровесница
Тому, кто нашу землю сотворил.
Здесь улица, а может, в небо лестница...
И кто по ней проходит – посмотри.

Как лебеди, как голуби, как ангелы,
Плывёт одежд сплошная белизна.
Идут молиться дети Авраамовы.
Сентябрь. На нашей улице весна.

Все белые, все мирные, все светлые.
Колёс шуршанье, крики малышни,
Звучат вокруг звонки велосипедные –
Слышней молитвы Господу они.

Айда на суд! Поют. Уже без паузы
«Отец наш и Владыка наш» поют.
Молитвенно-велосипедным гамузом,
Как на раздачу пряников, идут.

Доверчиво, оставив без внимания
Возможный приговор – прочтём потом! –
И я иду на Суд. В такой компании
Не страшно представать перед Судом.

2002

---

* Судный день.

ВЕЧЕР В ИЗРАИЛЕ

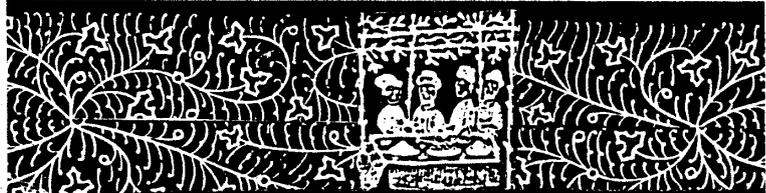
Крыши белены мелом.
О Боже! Как будто снежок,
Чая близкую радость,
Наш двор остудил, успокоил.
Будто длился столбняк
И обмяк,
И прошёл этот шок...
Расскажи мне волшебную сказочку
Или стишок
О том, как я, живая,
Живу на земле.

1998

* * *

За пышной кроной прячется луна,
Такая безмятежная сегодня.
Верхушка дерева окружена
Сияньем, словно голова святого.
Тепло, светло. Израиль, праздник Кушей.

1997

... Меню, стемно. Чаранис, прагрук Кучеи...

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

* * *

На Святой Земле
Бог не даёт человеку
ничего,
кроме пропитания и покаяния.

* * *

Стоит заботиться об изнанке
больше, чем о лице,
потому что на Святой Земле
человек ходит,
вывернутый наизнанку.

* * *

На Святой Земле
мысль так же реальна,
как сказанное слово,
а чувство так же видимо,
как физическое действие.

* * *

Святая Земля
обращает глаза человека
внутрь.
Потому что снаружи
они не находят
ничего примечательного.

* * *

На Святой Земле
три мысли волнуют сердце:
Предам ли я друга?
Будет ли война?
Пойдёт ли дождь?

2001

ПУСТЫНЯ

Зацветает она. Как прекрасно она зацветает!
Не увидишь цветочка, на оба колена не встав.
Вот она расцвела и при этом осталась пустая.
В этом светится правда её и её простота.

И такая парит благодать над красой этой строгой,
Потому что пустыня узнала счастливый секрет:
Даже маленьким самым цветком мы обязаны Богу,
А у нас, у самих, ничего, как у камешков, нет.

2002

* * *

Холодно. Строго. И странно, что холодно.
Славно, что холодно и одиноко.
Птичка поёт так пустынно и молодо.
Кажется мне: мы далёко-далёко

От городов, от всего человечества.
Как захолустно в земле этой древней!
Держит Господь на ладони отечество
Наше – не более горной деревни.

2002

ФЕВРАЛЬ

Аркадию Днепрову

Уже поплыл на запад Орион,
Уже его не видно из окошка,
А только со двора. Ещё немножко –
Совсем с ночных небес исчезнет он.

Пройдёт денёк-другой – иное чудо
Ему на смену вечером придёт –
И апельсин соседкин зацветёт.
Из сада тёмного, как ниоткуда

Такой живой польётся аромат –
Вдохнёшь его и скажешь: «Райский сад!»

Божественный засвищет дрозд по зорькам,
Потом пойдут такие вечера
Тишайшие, что, если будет горько
И если будет на душе гора,

Такой вот вечер розовый и серый
Опустится на старые дворы –
Засмотришься, любуясь чувством меры,
Забудешься, вздохнёшь – и нет горы.

2002

* * *

Я хочу побыть немного глупой.
И милосердной.
Я хочу, возвращаясь домой,
Пройти не парком, а людной улицей,
Чтобы не думать, а глазеть на витрины.

Я хочу побыть глупой.
Настолько, чтобы израильская улица в День Независимости
Напоминала Париж.
Гирлянды из лампочек на деревьях, флажки,
Кричащие платья в витринах –
Но не шикарные, а безвкусные.

Я хочу, чтобы безвкусица и нелепость
Вызывали у меня улыбку, а не раздражение.

Я иду мимо витрин и мысленно повторяю:
«Не это, не это, не это... Вот это!»
Но даже эти слова кажутся лишними.
Я так хочу отдохнуть!
Я бегу от парков, в которых обитают мысли и слова.

Я иду по улице, на которой живут только краски.
Краски и ноты.

2002

ВЕСНА

Сезон меланхолических акаций.
С них падают цветы. Лиловый слой
На землю лёг. И тянет приподняться,
Чтобы проплыть два шага над землёй.

Сезон тишайших розовых закатов.
Смолкают продавцы при виде их,
Перестают кричать на баррикадах
Благоуханных лавок овощных.

Сезон белья, похожего на флаги,
И дальних занимательных балконов,
Где сохнувшие светятся рубахи,
Как белые флажки парламентёров.

Читается в открытых окнах море,
Италия мерещится всё чаще,
Мелькают пляжи в каждом разговоре,
Наполнен ветерок пылью летящей.

Сезон кафе и полосатых тентов,
Мгновенье примирительного взгляда,
Как будто бы уже живёшь с процентов
Значительного банковского вклада.

2002

* * *

Ни водопад, ни сад, ни птица,
Ни край болезненный, родной
Не могут всё-таки сравниться
С безумной этой красотой,

Когда весной перед закатом,
В уже поблекшей вышине,
Над горкою домов, прижатых
Окном к окну, стеной к стене,

Фасад с балконом деревянным
Смиренной светит желтизной,
А рядом свет какой-то странный,
Благоуханный, неземной.

Цветёт акация. Лиловым.
Вся в колокольчиках лесных!
В помине нет листочков новых
На тонких веточках сквозных,

А только облачные гроздья
Из русских, из лесных цветов!
Акация, ты кто здесь, гостья?
Уж не из наших ли краёв?

Она не гостья, не из наших.
Цвет колокольный весь дрожит,
И каждой маленькою чашей
Он здешним дням принадлежит.

Смотрю в невольном изумленье —
Как необычно расцвели
Кошмары, будни, откровенья
Клочка земли, Святой Земли.

Всё вместе – и стихи, и взрывы –
Лиловым маревом цветёт.
Такой, наверное, красивой
Вдруг станет жизнь, когда пройдёт –

Меланхолическим фантомом
Предстанет собственным глазам,
Плывя в обнимку с жёлтым домом
По побледневшим небесам.

2002

* * *

Летит по небу чайка-одиночка,
А веточка сгибается дугой.
От крыши до мельчайшего листочка
Всё серостью пронизано благой.

Мне серый цвет всегда был в утешенье...
Открыты окна лавок и квартир,
Но нет ни в чём ни мысли, ни движенья,
А лишь самозабвение и мир.

Мир бодрствует и вместе поживает
Хранимый, как сокровище в глуши.
И вечер тополя увещевает:
«Храните целомудрие души!»

2000

* * *

Мой кипарис густой, как Млечный путь,
И шишечки на нём – мои планеты.
Он часто помогает мне уснуть
И отвлекает от страданий лета.

Он смотрит вверх, а небо смотрит вниз,
Сияя отражением чудесным:
Там Млечный путь густой, как кипарис,
Весь в круглых звёздах – шишечках небесных.

2000

* * *

Дрозд запоёт, как Господь призовёт –
Всё ещё скованно, мертвенно, серо,
Только скамандует птичка: «На взлёт!»,
Крепко, свежо кипарисом пахнёт,
Птичке навстречу из сердца вспорхнёт
Вера.

2000

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. КИЕВ

Меринговский сад	5
«Взять настроение, как нить...»	9
Липки	10
Моему городу	14
Снегопад	17
Улица Рогнединская	18
«Никаких тебе книг...»	19
Печерская крепость	20
«Город, милый, чем ты нынче занят...»	21
«Ничто не случайно...»	22
Южная ночь	25
Киев («Ты – больше, чем я...»)	27
Киев («Воздух, словно свинцом налитой...»)	28
Благодарность	29
Аскольдова могила	30
«Мой край, загороди цветами небо!»	31
Старая груша	32
«Зарони меня, Боже, на самое дно тишины...»	35
«Стайкой беглых штрихов...»	36
«Воскресенка. Задворки...»	37
Октябрь. ВДНХ	38
Орион	39
Страстная	40
«Столько глины в душе...»	43
Моему городу	44

Часть вторая. НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Израиль	47
Кипарис	49
Дрозд	50
«Жаркая осень так быстро сменилась...»	53
Август в Израиле	54
«Наконец-то мрачнеет...»	55
Икебана	56
«Сколько тюрем на свете...»	57
«Посреди нелюбви...»	58

«Страшно жить на земле...»	59
«Терпи. Видать, еще не все полы...»	59
«Я утром не встаю – я волком вою...»	60
«Рано утром вставая...»	60
Сеятель	61
«Ад – это место, где никто не смеет...»	61
«Какое удивительное дело – потеря...»	61
«Есть у меня двойное дно, а как же...»	62
«Мне крутой попался бережок...»	62
«Никакого самообольщенья...»	63
«Любовь пребывает там...»	63
«Если я скажу хоть одно слово...»	63
«Тело души – это нервы...»	63
«Ну что я за сито...»	64
«Не соревнуйся со злыми...»	64
«Разве лик твой, Боже, неизменен?»	65
«Я вижу только то, что далеко...»	66
Тамбовская область	67
«Так далеко любимые мои...»	68
«Чья-то душа слушает, замирая...»	68
«Напишу тебе, но не по адресу...»	69
«Ни встреч онемевших...»	69
«Не думай плохо обо мне, любовь моя...»	70
«Я зову тебя, как устрица на дне морском...»	70
О стихах	
1. «Постоянно исчезающей рукой...»	71
2. «Когда я захочу уснуть...»	71
3. «Нету времени, нету сил, нету терпения...»	71
Ветки	72
Йом Кипур	73
Вечер в Израиле	74
«За пышной кроной прячется луна...»	74
На Святой Земле	77
Пустыня	79
«Холодно. Строго. И странно, что холодно...»	79
Февраль	80
«Я хочу побыть немного глупой...»	81
Весна	82
«Ни водопад, ни сад, ни птица...»	83
«Летит по небу чайка-одиночка...»	85
«Мой кипарис густой, как Млечный путь...»	86
«Дрозд запоёт, как Господь призовет...»	86